

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Ф.И. Тютчев

Пролог

Человек бежал по бульвару под проливным дождем, не замечая ни луж, ни ручьев воды, стекающих с плаща, волос и бороды, ни редких прохожих, провожающих его сочувственными взглядами. «Неужели у бедолаги не нашлось нескольких секунд и пары долларов, чтобы притормозить у любого киоска и купить простенький зонтик?» — казалось, спрашивали они. Человеку не было никакого дела до мыслей тех, кто оказался в этот час неистового разгула стихии на улицах Монреаля. Он очень спешил. Звонок застал его в музее. Телефон вибрировал в кармане, и он, покосившись на служителя, дремавшего на своем стульчике, взглянул на номер, обрадовался, быстро и тихо ответил. То, что она сказала, заставило его, забыв о приличиях, громко вскрикнуть и медленно осесть на круглую скамью для посетителей. Должно быть, у него был такой вид, что работник музея лишь приоткрыл один глаз, скользнул по посетителю взглядом и снова провалился в сон. Мудрое решение. Даже если бы сейчас к Человеку бросились служители всех двадцати пяти залов с криками: «Сэр,

немедленно отключите телефон», он бы попросту ничего не услышал. Он воспринимал только те слова, что произносил в его ухо глухой, потухший голос в телефонной трубке. А она все говорила и говорила, кажется, плакала, и он уже тоже плакал вместе с ней. Потом она сказала:

— Я отправила тебе письмо. Там подробности, адрес и все такое.

Она отсоединилась, а он так и сидел на своей скамье еще какое-то время, пытаясь выстроить из того, что на него обрушилось, какое-нибудь, пусть даже жалкое и никуда не годное, подобие плана дальнейших действий. «Письмо! — наконец промелькнуло в сознании. — Надо прочитать письмо! Прочитать как можно скорее! Там ведь «подробности, адрес и все такое». Он зачем-то снова выудил телефон из кармана и беспомощно посмотрел на него. «Free WiFi», — гостеприимно сообщали таблички в каждом зале музея, и эти сообщения заставили посетителя так громко чертыхнуться, что служитель уже не только открыл глаза, но и, беспokoйно заерзав на стуле, тихо, предупреждающе покашлял. А как не обругать себя, если весь мир давно выходит в Интернет со своих трубок, а он все упирается и кричит на каждом углу, что погоду можно узнать из информационных выпусков, а адрес в справочнике. «А справочник в телефонной будке, а телефонная будка на каждом углу». Дома надо обязательно попросить сына объяснить ему, как пользоваться всеми этими новомодными штучками вроде блютуса, навигатора и того же вай-фая. Но когда он еще вернется, а Интернет был необходим срочно, немедленно.

И тогда Человек вскочил со скамейки, подлетел к служителю и рявкнул:

— Ближайшее интернет-кафе!

— Простите, сэр?

— Кафе! Компьютеры! Связь! Почта! Я должен проверить почту!

— Минут двадцать отсюда, сэр. И сейчас будет дождь.

— Адрес!

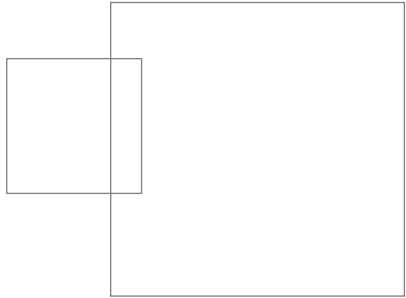
— Где-то на Иллинойс-роуд.

И Человек побежал, уловив напоследок что-то про красную дверь и синюю вывеску. И неся по улицам города, не замечая града льющейся на него холодной дождевой воды, спотыкался, проваливался в лужи, но лишь прибавлял скорость, будто боялся упустить бесконечно прыгающие и повторяющиеся в голове слова: «Иллинойс-роуд, синяя вывеска, красная дверь».

За красной дверью он нашел, что искал. Дрожжащими пальцами оплатил полчаса, запустил процессор, застучал по клавишам, приник к экрану, нервно сцепив руки. «Счета, счета, выписка по карте, приглашение посетить премьеру, еще приглашение на какую-то дегустацию, снова счета... А, вот и оно». Он быстро пробежал глазами текст, еще раз перечитал последние предложения и словно услышал, как она произносит глухим, потухшим и ставшим совершенно чужим голосом:

— Послезавтра в одиннадцать утра. Богородское кладбище.

Он выключил компьютер, вышел, шатаясь, из-под синей вывески, поймал, махнув рукой, такси и поехал в аэропорт.

О

1

на была неказистой. Именно так. Было бы неправильно назвать ее безобразной, невзрачной или попросту некрасивой. Все-таки овал лица казался достаточно аккуратным, зеленые глаза притягивали взгляды, а улыбку, пусть слегка кривоватую и не слишком веселую, невозможно было обвинить в неискренности. Но была во всем ее облике какая-то чрезмерность, и это порождало ощущение общей дисгармонии, придавало силуэту отталкивающие черты и лишало фигуру равновесия. Руки были слишком худыми и длинными, а клетчатая юбка, плотно посаженная на несколько сантиметров ниже талии, зрительно делала и без того короткие ноги еще короче.

Несмотря на наличие этой самой юбки, плетеных браслетов-фенечек на узких кистях и смешных бантиков в спутанных волосах, в ее истинной принадлежности к женскому полу вполне можно было бы усомниться. Блеклая маечка цвета недожаренного кешью выглядела бы

чуть ярче, имей она более глубокое декольте, но приоткрывать тайну имело смысл лишь в случае существования хотя бы малейшего намека на то, что под вырезом скрывается нечто привлекательное. Соломенные волосы средней длины торчали в разные стороны и могли принадлежать кому угодно: мальчишке-рокеру, вольному художнику, давно не стриженному, девочке-подростку, которой еще неведомы понятия моды и стиля, только что вышедшей из парикмахерской дамочке, гордо несущей на голове укладку под названием «треш», или замученной бытом женщине, едва находящей время между стиркой, готовкой, уборкой для того, чтобы кое-как пригладить непослушные лохмы, прицепив к ним несколько безвкусных заколок. Но больше всего этой прической, вернее ее отсутствием, она напоминала Анни Жирардо в фильме «Каждому свой ад». Была в этих бесформенных прядях какая-то трагичность и безысходность, вызывающая чувство щемящей жалости.

Пожалеть хотелось не только эти дурацкие волосы, тонкие руки и толстые ноги, но и опущенные плечи, и тонкую полоску живота, выглядывающую из-под топа в том месте, где у людей обычно бывает пупок.

Ах, да! Пупок... Ну конечно. Его отсутствие непременно вызовет недоверие, снова посыпятся обвинения в фальши и оторванности от реального мира. Что ж, всегда можно сослаться на авторский замысел, но почему бы заранее не обезоружить всезнающих критиков? Ведь нет

ничего проще: пара взмахов ножниц, несколько стежков, и вот уже между юбкой и майкой беззащитно блестит прилепленной стразой, призванной заменить привычный пирсинг, вполне симпатичный пупок. Возможно, слишком глубокий или, наоборот, недостаточно большой, но все же достаточно явный для того, чтобы не спутать его ни с чем другим. А впрочем, от стразы лучше отколоть половину, чтобы эта часть фигуры не выбивалась из общего образа.

Да, определение «неказистая» совершенно точно подходило новенькой больше других. Пусть так. Неказистая. Зато не банальная. Банальностей Саша не терпела. В них отсутствовала яркость, индивидуальность, в них не было личности, не прослеживался характер, не играло настроение. А вот с настроением надо что-то сделать непременно: улыбка хоть и присутствует, а пуговицы глаз грустят, на голове бантики, а плечи опущены. Она опустила нити рта, оглядела получившуюся скорбную гримасу, превратила банты в распущенные, мятые ленты и удовлетворенно вздохнула: «Надо будет придумать ей имя. А пока... Пока привычное, но совершенно неизбитое...» Посадила свое творение на полку, постояла, покачалась с носка на пятку, все еще размышляя об имени, но потом, приказав себе не тратить силы понапрасну (имя, как обычно, проявится само, проникнет сквозь тряпки, пропитается красками), потряхнула длинными стрелами темных волос и произнесла нараспев:

— Здравствуй, куколка!

— Эй, куколка, посмотри, что я тебе привез!

Пятилетняя Саша буквально нырнула в чемодан, мешая отцу выловить наконец драгоценный сверток. Обиды мгновенно забыты, ничто теперь не имеет значения. Ни напускная важность, с которой старшая сестра разложила на секретере замысловатые шариковые ручки, внутри которых из стороны в сторону путешествовала мимо Дворца дождей гондола с гондольером в шляпе. Ни надрывный плач младшего брата, у которого Саша попыталась забрать чудную машинку, на которой было написано какое-то непонятное слово «Polizia». Ни появившиеся в голосе мамы сердитые нотки, ни твердость ее рук, пытающихся выудить девочку из чемодана. Только веселый окрик отца: «Да подожди, торопыга, разобьешь ведь!» — заставил ее притормозить, замереть в нетерпеливом ожидании, глядя, как он аккуратно разворачивает бумагу.

Саша сделала шаг вперед, наклонилась над папиными руками, осторожно потрогала пальчиком какой-то непонятный предмет. «Твердо».

— Керамика. Очень хрупкая. Настоящая ручная работа, — не без хвастовства сказал папа.

Саша растерянно обернулась к маме и заметила, что та определенно понимала, о чем говорил отец. Девочка снова поглядела на то, что папа назвал керамикой. Ничего особенного: намек на нос и губы, прорези для глаз, россыпь

черно-золотых блесток у висков на лбу, и все такое маленькое — на себя не примерить. И что с этим делать?

— Что это?

— Это венецианская маска, Сашенька, — мама забрала у папы сверток, покрутила несколько секунд перед глазами, покачала головой. — Настоящее произведение искусства.

— А...

— Тебе не нравится? — Папа уже расстроился.

— Нравится! — тут же соврала Саша, потупилась, поколебалась, но потом не удержалась все же: — Только можно мне ручки, а маску Ире?

— Глупышка! — почему-то засмеялась мама. — Ты только посмотри повнимательнее. Эта маска будто сделана с тебя. Неужели не видишь? Она же твоя копия!

Саша еще раз посмотрела на мертвенно-бледные, твердые очертания и не нашла ничего похожего на то, что привыкла обычно видеть в зеркале: ни румяных щек, ни живых глаз, ни копны тяжелых волос. Да и блестки, которые лежали в наборе детской косметики и которыми мама иногда скрепя сердце все же разрешала пользоваться, были сиреневыми и высыпались обычно на нос.

— Я... я правда на *это* похожа? — Голос начал предательски дрожать.

— А что ты расстраиваешься, Сашенька? Маска очень красивая и...

— Ручки в сто раз красивее! — перебила девочка и бросилась в ванную горевать от несправедливости жизни.

Через два часа она уже мирно засыпала в постели. Она была счастлива: под подушкой лежала подаренная сестрой ручка, брат позволил вдоволь наиграться с машинкой, а злополучная маска заняла почетное место на стене. Девочка уже почти провалилась в сон, но все же успела уловить, как мама на кухне сказала:

— Сегодня ты опростоволосился перед своей любимицей.

— Да уж, — согласился папа, а мама засмеялась. Но этого Саша уже не услышала. Да и зачем ей было это слышать? В этом не было ничего удивительного. В то время мама часто смеялась, а папа... папа любил Сашу и называл ее куколкой.

3

Ира заглянула в мастерскую:

— Ничего, если мы поедем? Я все убрала, посуду помыла.

— Конечно, езжайте. Спасибо.

Саше было неловко. Она совершенно отстранилась от происходящего за стеной. Так было всегда, когда она начинала работать. Погружаться в свой мир ей, как правило, ничто не мешало. Даже сегодня, как только стало невыносимо слушать скорбные речи и ежесекундно наткаться на сочувственные взгляды, она просто встала и ушла. Закрыла за собой дверь, прислонилась к косяку, хотела опуститься на пол и тихонько поплакать в одиночестве, но не получилось. Взгляд зацепился за разложенные на сто-

ле материалы, и боль чуть отступила, растворилась в клее, нитках, красках, осела на уголках опущенного рта новой куклы.

Ее мучили угрызения совести. Пока она вот так помогала себе справиться с горем, сестра приняла основной удар на себя: расшаркивалась, благодарила, кому-то утирала слезы, кому-то позволяла утирать свои, а потом еще и привела Сашину квартиру в первоначальный вид. Как будто не было здесь всего этого нашествия близких, далеких и даже совершенно чужих людей, вроде той группы из пятнадцати человек в косухах, что держались слишком вызывающе и пытались всем продемонстрировать, что только их утрата является по-настоящему невозполнимой. Впрочем, юнцы-максималисты ее не беспокоили, гораздо больше волновала сестра. А ее ведь дети дома ждут, и она давно уже могла бы воспользоваться этим обстоятельством и уйти. В этом вся Ира: своих забот по горло, а она себе еще и чужих нахватает. Сашина ведь квартира, она и убрала бы. Ее-то никто не ждет, куклам компания не нужна.

— Сейчас смастерила? — Ира подошла к полке, посмотрела на пахнущую едкой краской куклу.

— Да. Я, понимаешь... — Саша хотела объяснить, почему ушла, как на автомате, начала работать и не заметила, что все разошлись, но Ира лишь махнула рукой, села на старый диванчик:

— Зря мы все это затеяли, тебе не кажется?

— Наверное...

– Точно. Они тут смотрелись нелепо. В его гараже было бы как-то органичнее.

– Под голос Цоя и бутылку по кругу.

– Почему бы и нет?

– Там глупо выглядела бы тетя Валя. – Саша спохватилась. Шутить в такой ситуации не полагалось, но Ира улыбнулась:

– Да уж, представить ее пьющей водку из горла...

– Да просто пьющей, – откликнулась Саша.

Помолчали.

– Надо было Лялю позвать.

– А я звала.

– И что? – Ира подалась вперед. – Не пришла?

– Как видишь.

– Нехорошо как-то. Бесчеловечно. Конечно, они разошлись, но ведь есть же Анечка...

– Забудь об Анечке! Будет у Анечки новый папочка.

– Зачем ты так?

– Это не я. Это она, Ляля.

– И почему ему так не везло?

– А мне почему не везет?

– А мне?

– Тебе? – Саша недоуменно оглянулась. – У тебя же Миша.

– Миша. Миша, – Ира пожевала имя мужа и словно выплюнула из себя следующую фразу: – Он там ждет на кухне. Надо ехать.

Они уехали. Саша бесцельно побродила по квартире, третий раз за день полила цветы, не глядя, поиграла с фотографиями на комод.

А зачем на них смотреть? Она и так прекрасно помнила, кто запечатлен на снимках. В маленькой овальной позолоченной рамочке — она первоклассница: волосы туго стянуты в две косички, но одна непослушная прядь все же выбилась, и она сдувает ее со лба, смешно выпятив нижнюю губу. В прямоугольной деревянной — мама с тетей Вале́й. Мама справа, а тетя слева. Если не знать, так и отличить невозможно: близнецы на то и близнецы, чтобы вводить окружающих в заблуждение. Впрочем, уже давно тетя Валя никого не может запутать, но до сих пор при ее появлении Саше кажется, что через секунду откуда-нибудь обязательно появится мама и скажет, подмигнув:

— Ну, и кто из нас кто?

Саша провела пальцами по гладкому дереву. Мама справа, тетя слева. Тетя на земле, мама где-то в другом месте. Где-то там теперь и Вовка. Она не смотрела. Просто подержала в руках холодную рамку. Она знала: там за стеклом на снимке улыбается брат. За спиной гитара, здание МГУ и весеннее солнце, с одной стороны веселая тюльпановая клумба, с другой — неровные края оборванной фотографии. Это она сама отделила от брата Лялю. Не сразу, конечно. Сначала они вдвоем улыбались ей с комода. И потом, когда Ляля внезапно ушла от брата, заявив, что не намерена тратить лучшие годы жизни на бездарность, а намерена потратить это время на поиски более достойного отца для их дочери, именно тогда Саша и поняла, почему Лялина улыбка на фотографии все время ка-

залась ей издевательской. Если бы можно было так же легко, одним махом, как на снимке, избавиться Вовку не только от самой Ляли, но и от мыслей о ней, возможно, на комодке рядом с фотографиями сейчас не валялись бы ключи от его квартиры, от гаража, выполнявшего функции музыкальной студии, и уютного кафе для своих (наверное, тех, что явились сегодня в ко-сухах), и места редкого отдыха для всегда чистой, отполированной воском «Ямахи», которая теперь валяется на какой-нибудь свалке и ничем не отличается от других таких же искореженных дорогой железяк.

Саша задумчиво повертела в руке ключ от гаража. Да, Ира права. Наверное, Вовкиному окружению было бы и понятнее, и приятнее прийти в последний раз в его холостяцкую берлогу, а не в чужой дом. Пускай это квартира его родной сестры, пускай такая же холостяцкая, но берлогой ее никак не назовешь. Здесь надо было разуваться, говорить шепотом, а не горланить, из динамиков тихо звучал Шопен, а не гремел рок, и пахло тут краской, лаком и растворителем, но все же не бензином и уж точно не португальским портвейном.

— Будешь? — этим вопросом Вовка встречал любого, переступающего порог гаража, и всякий, даже новичок, сразу понимал, о чем его спрашивают. Интересно, что ответ ничего не решал. Брат никогда не настаивал и никого не уговаривал употреблять горячительное, но спрашивал всех и всегда, будь перед ним язвенник, пятилетний ребенок, приехавший на ма-

шине приятель или родная сестра, которая, о чем он был прекрасно осведомлен, никогда не пила ничего крепче кваса. Саша не раз напоминала ему о том, что у нее аллергия на алкоголь, но в ответ неизменно слышала:

— Это было вчера.

«Это было вчера», — повторила про себя Саша. Вчера. И Вовка с гитарой, и весна, и тюльпаны. А прошло десять лет. И на дворе осень. И ни тюльпанов нет, ни гитары. Ни Вовки...

А вот еще одна рамка: простая деревяшка, выкрашенная в ярко-синий цвет, в россыпи красного бисера по углам — подарок племянницы на Сашино двадцатипятилетие. Она потрогала пластмассовые пупырышки, погладила гладкую поверхность. Почему-то вспомнилось какое-то студенческое задание: докажите, что синий цвет лучше красного и наоборот. Вот же они, рядом, синий и красный, прекрасно смотрятся вместе, скрепленные канцелярским клеем, и никому не приходит в голову выяснять превосходства того или другого цвета.

Она улыбнулась, вспомнив обстоятельства, при которых был сделан снимок, любовно вставленный семилетней Марусей в творение собственных рук. Какой тогда был год? Восемьдесят девятый? Девяностый? Да, точно девяностый. Саше едва исполнилось пятнадцать, и она таки вымолила у родителей разрешение пойти в поход с компанией старшей сестры. Две недели горных порогов, костров, рыбалки и каждодневной ухи больше всего запомнились девочке вовсе не опасными сплавами, соснами

и страшными рассказами о близости медведей, волков и прочих неприятностей. Чаще всего потом, в городе, вспоминала она опьяняющий запах свободы, который ощущался тогда в походе. Отсутствие привычного контроля взрослых, легкий, необидный матерок, который можно было ежесекундно схлопотать за неправильный гребок, неверный аккорд или пересоленную гречку, и, разумеется, ритуальное, вечернее, немного гнусавое из-за постоянно мокрых ног исполнителя «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались». Это действительно было здорово, восхитительно, волшебно. Две недели нескончаемого праздника, буйства фантазии и кипения крови. Особенно горячо кровь бурлила именно в тот момент, когда выливалась в реку только что приготовленный суп, который ей впервые доверили сварить самостоятельно. Доверие доверием, но оно не остановило красавца Бориса, негласного капитана, самого старшего и опытного в команде, поморщиться и объявить во всеуслышание, что «даже в институтской столовке уха повкуснее и понаваристее». Уха, возможно, там была и «понаваристее», а норова у Саши тогда было не меньше, чем у всех посетителей того общепита, вместе взятых. Она была молоденькой, хорошенькой, гордой, конечно же, как и многие девушки, влюбленной в Бориса и... строптивой. Мгновение — и весь котел с горячим супом в холодной реке, еще одно — в ледяную воду летит сама Саша, поскользнувшись на крутом берегу, третье — за ней прыгает испуганная Ира. И вот они уже обе